УДК 130.2:316.322
DOI: 10.17223/22220836/40/7

Л.А. Коробейникова, Е.В. Водопьянова

КУЛЬТУРНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ И ГЛОБАЛЬНОСТЬ

Представлен анализ процесса глобализации в мире культурного разнообразия. Анализируются ценностные основания мультикультурной глобализации: реинтерпретация субъект-объектной парадигмы в постфилософии, изменение традиционных ценностей культуры модернизма (рационализма, либерализма, индивидуализма). Представлен анализ мультикультурализма как теоретического основания мультиглобализации. Подчеркивается, что хотя глобальный проект развития мира в двух его вариантах: универсалистском и мультикультурном, оказался не столь абсолютно успешным, реальность глобализирующегося мира показывает преимущество развития процесса современной глобализации в форме культурного разнообразия.
Ключевые слова: *глобализация, мультикультурная глобализация, ценности новоевропейской культуры, мультикультурализм.*

Новейшие дискуссии вокруг Просвещения и Постпросвещения, модернизма, постмодернизма, информационной, сетевой, виртуальной культуры свидетельствуют о неослабевающем интересе к проблеме средоточия человеческого существования – культуре. В XXI в. в под влиянием глобализационных процессов происходят такие метаморфозы культурных образований, которые не укладываются в классическую парадигму монокультуры модернизма. Теряют позиции антропоцентризм, евроцентризм, сциентизм, что означает распад не только форм философствования, но и определенных форм культуры. Исторически сложившиеся формы основных ценностей новоевропейской культуры (рационализм, либерализм, индивидуализм, инструментализм, гуманизм и др.) основаны на устаревшей картине мира. Новая картина мира строится на преодолении антропоцентристских установок: в центре стоит не человек сам по себе, но бытие человека в мире. Разрушается образ самотождественной и автономной единой культуры, всегда адекватной и целесообразной, представляющей собой высшую ценность. Реальная культура многообразна, вариативна, основана на открытости и готовности к постоянным изменениям. Современная культура переходит от монокультуры к культурному разнообразию, мультикультуре. Выработанные цивилизацией нормы не могут быть отброшены, но предстоит их новое прочтение, введение в новые социокультурные контексты. Формирующаяся мультикультурная парадигма влияет на процессы современной глобализации, которая осуществляется не только в универсальной форме единой эволюции мира, но в форме культурного разнообразия, мультикультурной глобализации.

Цель статьи – исследование процесса глобализации в мире культурного разнообразия. В связи с этим в первой части статьи будет представлен анализ изменений ряда ценностей новоевропейской культуры и их влияние на процессы современной глобализации. Вторая часть будет посвящена исследованию мультикультурной глобализации. В заключении будут представлены основные итоги статьи.

1. Реинпретация ценностей новоевропейской культуры

Реинтерпретация проблемы субъекта в ряде современных течений континентальной философии связана с представлением о том, что идея субъекта не является больше финальной проблемой философского мышления, так как современная эпистемологическая ситуация выступает как постсубъектная. Субъект предстает как биологическая, психологическая, ментальная, социальная структура, изменяющаяся с высокой степенью непредсказуемости. Отказ от дуальной (субъект-объектной) интерпретации реальности приводит к созданию вместо традиционных модернистских мифов новой мифологии: разрушение говорящего субъекта новоевропейской культуры, децентрация субъекта, уточнение субъекта по половому или расовому признаку и т.д. Указанные метафорические термины так же, как постмодернистский термин «смерть субъекта», применяются для размывания амбивалентной тенденции субъект-объектной дихотомии в границах современного типа философствования.

Термин «смерть субъекта» вошел в философский оборот после работы Р. Барта «Смерть автора» (1968) [1]. Монолитность субъекта разрушается процессуальностью противостояния Я и Оно во фрейдизме, абстракцией понятия общества в постмарксизме, интенциональностью сознания в феноменологии, безличным текстом в постструктурализме. Но неклассическая философия полностью не размывает субъект-объектной дихотомии. Постфилософия задает ряд семантико-аксиологических направлений философствования, внутри которых практически невозможно придерживаться жесткой дихотомии субъект–объект. В контексте структурного психоанализа Ж. Лакан выявил языковую форму бессознательного как речь Другого. Другой является тем культурным механизмом, посредством которого находят разрешение приключения индивидуальных желаний, так как Другой выступает, с одной стороны, как объект желания, с другой – как внешний закон, персонифицированный в Отце как изначально Другом. Я детерминируется не столько импульсами бессознательного, сколько его вписанностью в общий символический порядок.

Оценка диктата логико-грамматического строя языка как насилия над творческой свободой и мышлением была высказана еще в начале XX в. поэтом Тристаном Тцара в рамках эстетики дадаизма в его тезисе: Я разрушаю выдвижные ящички мозга. Психоаналитический тезис подчиненности бессознательных желаний культурным нормативам переформулируется Ж. Лаканом в тезис о заданности желания материальными формами языка. Субъект как связующее звено между реальным, воображаемым и символическим характеризуется как децентрированный, так как его сущность и существование оказываются чуждыми друг другу, будучи опосредованными реальностью языка. Бессознательное предстает как язык, а реальность – как текст. Рациональный субъект декартовского типа, как и вожделеющий субъект фрейдистского типа, сменяется децентрированным субъектом, который выступает как инструмент презентации культурных смыслов. Стоит изменить классические измерения культуры, и, по определению М. Фуко, человек изгладится, как лицо, нарисованное на прибрежном песке.

В дихотомии субъект–объект изменяется и вторая часть. Формируется философия украденного объекта (П. Ван ден Хевен). На смену классическому требованию определенности значения приходит требование принципиальной открытости значения. Определенность значения растворяется в его вариативности вплоть до возможности означить все что угодно. Западная культура находится в состоянии кризиса, порядок слов больше не соответствует порядку вещей, система коммуникации чужда исторической ситуации, налицо кризис репрезентации. У. Эко видит выход в создании новых формальных структур, которые могут отразить ситуацию и стать ее новой моделью. Он предлагает условную лабораторную модель открытого произведения – трансцендентальную схему, фиксирующую двусмысленность нашего бытия в мире. Поскольку способ, которым создаются структурированные формы, отражает способ, с помощью которого современная культура воспринимает мир, постольку модель открытого произведения утверждает новый код: так как информация прямо пропорциональна энтропии, а установление жесткого порядка ограничивает получение информации, то беспорядок даже полезен, так как таковым он выступает по отношению к исходной организации, а по отношению к параметрам новой организации дискурса – как порядок. Этот тезис утверждает конструктивную роль хаоса в процессе создания новых дискурсивных практик.

Идея бесконечной интерпретации трансформируется в идею неограниченного семиозиса как основы существования культуры. Модерн утверждает метанаррацию: определенный тип дискурса, претендующий на статус единственно правильного и единственно универсального. Постмодерн характеризуется Ж.-Ф. Лиотаром как эпоха заката больших нарраций, предлагающая культуре легитимацию всех видов языка и рациональности. В этих условиях классическая интерпретация текста невозможна: сознание может лишь центрировать текст, организовав его вокруг тех или иных семиотических узлов. Деконструкция предлагает разрушение псевдоцелостности текста. Реконструкция идет дальше и разрабатывает новую структуру текста. Конституируется не субъект-объектный тип философствования: мышление интенсивностей Ж.-Ф. Лиотара, игра сингулярностей Батая, телесность текста Р. Барта. На смену парадигме понимания текста приходит парадигма его означивания. Таким образом, в аксиологической системе современной культуры рациональность как ценность значительно ослабевает.

Рациональность

В настоящее время понятие рациональности претерпевает коренную ломку. В европейской философии и культуре настал момент, когда выявляется ограниченность и противоречивость сложившегося типа рациональности. А. Этциони выделяет три главные атаки на мышление рационализма: первая была предпринята во имя справедливости и равенства, вторая началась в виде контркультуры, третья – как протест против разграбления природной среды. Рациональность значительно ослабела, но не опрокинута, она остается относительно сильным принципом, ориентирующим в выборе средств и подвергаемым критике основным проектом высокого производства и потребления. «Извне „золотого века“ потребления были брошены вызовы рациональности» [2. С. 302]. Одновременно происходит утверждение альтернативных культур

и субкультур. Данный процесс отражается в современных дискуссиях вокруг трактовки рациональности.

Кризис классического рационализма обусловлен несколькими причинами: неясностью взаимоотношения трех классических парадигм (представления о рациональности как разумности, как системе методологических норм и как характеристике культурной системы); абстракцией понятия разумности; спецификацией и фрагментаризацией сферы разумного. Разрушается образ самотождественного и автономного разума, присутствующего в человеке, природе, обществе, всегда адекватного и целесообразного, представляющего собой высшую человеческую ценность. Реальный разум ограничен, иногда управляется подсознательными импульсами и влечениями. Кризис разума сопровождается диффузией метода как основного свойства научного знания.

Для XX в. характерен переход от статического анализа феномена рациональности к динамическому. Все сферы культуры, познавательной деятельности, духовного производства обнаруживают свои особенные, несводимые к другим формы рациональности. Критические установки на научную рациональность сопровождаются попытками дополнить ее другими типами: рациональностью мифа, веры, религии, искусства, философии.

В дискуссиях по рассматриваемой проблеме можно выделить диапазон представлений, от попыток удержать возможно больше черт классического рационализма до изменения его на противоположный тип (работы Т. Адорно, Дж. Ваттимо, П. Ланжевена, К. Леви-Стросса, А. Роке, М. Хоркхаймера, Ю. Хабермаса и др.; Н.С. Автономовой, А.Ф. Зотова, И.Т. Касавина, М.А. Кисселя, Н.В. Мотрошиловой, В.А. Подороги, Б.И. Пружинина, А.И. Ракитова, В.С. Степина и др.). После распада классического рационализма, предполагавшего непосредственное воспроизведение абстрактным субъектом предзаданных оснований, поиск новой рациональности во многом (хотя и неосознанно) определяется задачей переосмысления старой схемы (например, программы децентрации, антифундаментализма и др.). Исследователи зачастую говорят не об отбрасывании классического рационализма, а о его расширении и дополнении. Одним из расширений рационализма является отказ от редукционизма, смысл которого состоит в замене относительно простых объектов анализа конструкции множеством различных интерпретаций. В результате возникает некая голографическая картина, и понимание смысла выходит на новую ступень. Такой подход утверждает множество антиредукционистских интерпретаций, опирающихся на представление об Универсуме как о некоторой целостной Суперсистеме. Противоречивость познавательной ситуации поиска новой рациональности углубляется усиливающейся тенденцией к иррационализации, проявляющейся в двух формах: концептуальной (философия жизни, экзистенциализм и другие теории) и неконцептуальной (анализ внерациональной практики межличностного общения, мистического, религиозного опыта и т.д.). Критерии отличия рационального от нерационального становятся зыбкими. Эта ситуация проявляется в создании таких «гибрид-объектов» (по определению Н.С. Автономовой), как «дорациональное–рациональное», «рациональное–иррациональное», «мистически рациональное», в которых отражается концепция двух логосов (дискурсивности и логической интуиции), существующих в европейской культуре. В результате возникает парадоксальная ситуация; с одной стороны, критерии рациональ-

ности специфицируются и уточняются (например, в естественнонаучном познании), с другой – они размываются под влиянием массы иррационального. В общем мыслительном пространстве возникают неоднородные участки, существующие под общим названием рационального. «При этом ослабленными и размытыми оказываются едва ли не все параметры рациональности в традиционном ее понимании – системность, обоснованность, доказательность, всеобщность [3. С. 56]. В современной философской литературе утверждается точка зрения, отрицающая существование единого разума. Плюрализм различных типов рациональности ставит под сомнение существование рациональности вообще, а само понятие «превращается в смутную идеализацию с неопределенной предметно-смысловой областью» [Там же. С. 287]. Рациональность варьирует от ее понимания как понятия-проблемы, обладающего псевдометодологическим, псевдопредметным и псевдосоциальным смыслом, до попыток определения через ясные оппозиции (рациональное–историческое – Н.С. Автономова, разум-множество разумов – Дж. Ваттимо и т.д.). Дилемма, возникающая в процессе типологизации рациональности, – признание существования суверенных типов рациональности или оценка разных типов рациональности как противоречивого единства. Рассмотрение проблемы в современной философской литературе строится в русле исследования суверенных типов рациональности, что соответствует «мозаичному» типу культуры XXI в., отрицающему какие то ни было типологии, классификационные схемы, что было характерной чертой классической новоевропейской культуры.

Философская школа «Ослабления мысли» выдвинула идею плюрализма разумов, основывающуюся на оппозиции: разум – различные виды разума, которая транслировала оппозицию между метафизическим присутствием правды и открытием практического характера рациональных продуктов (произведений). С точки зрения Дж. Ваттимо, открытие Ф. Ницше и М. Хайдеггером «различия» забытое в истории философии может быть оценено как новый фундамент философской мысли. Более того, оно может быть понято как ослабление метафизического понимания бытия; понимание бытия как цепи событий, а не как стабильной структуры. Такое понимание бытия составляет характерную черту культуры постмодернизма. Деструктивный аспект постмодернистской мысли направлен против описания и легитимации исторического существования в форме классического разума. «Онтология упадка», общая для Ф. Ницше и М. Хайдеггера, не выходит за рамки чистой концептуальности, но, скорее, переходит в отношение «более общей трансформации условий существования, чем и является мир технологии» [4. P. 89]. К этой «онтологии упадка» обращается аналогия «ослабления мысли». Только «слабая мысль» может дать строгую концепцию разума и присутствия бытия, не впадающую в метафизический дискурс. В современных итальянских дебатах можно отметить возрастающую тенденцию к гомологии постмодерна, выражающуюся в фиксации проблемы плюрализма разумов.

Либерализм

Заметную эволюцию претерпел либерализм, в котором начали приобретать фундаментальную значимость принципиально новые идеи, идеалы и принципы. Возникает новое понимание социальной и экономической роли

государства, от которого ожидают активных мер по защите свободы предпринимательства, рынка, конкуренции от возрастающей угрозы монополизма в любых его формах – отсюда значимость антитрестовского законодательства, помощь мелким и средним предпринимателям и предпринимателям-новаторам, подвергающимся наибольшему риску. Либерально-демократическая мысль признает помощь общества в обеспечении не только политических, но социальных и экономических прав своих членов. Общество должно принимать меры, способствующие реальному, а не декларативному выравниванию возможностей людей. В либерализме приобретают большую значимость ценности и социальные цели, для реализации которых требуются не только действия согласно законам рынка и конкуренции, а также коллективно-организованные действия, которые непосредственно мотивируются гуманистическими идеалами. В плане определения перспектив дальнейшего развития либерализма имеет смысл обратиться к размышлениям Ф. Фукуямы [5]. Оценивая состояние современной идеологии как крах всех доктрин, кроме либерализма, он подчеркивает, что современное состояние общества можно рассматривать как завершение идеологической эволюции человечества и универсализации идей западной либеральной демократии как окончательной формы правления. В цивилизации и культуре этот период, по его мнению, означает переход от истории к постистории. Представление о конце истории – наследие гегелевского историцизма. В отличие от позднейших историков Гегель полагал, что в некий абсолютный момент история достигает кульминации: в тот момент, когда побеждает окончательная форма государства и общества. Тезис о конце истории в 1806 г. означал, что идеологическая революция человечества завершилась на идеалах Французской и Американской революций; и, хотя какие-то режимы в реальном мире полностью их не осуществили, теоретическая истинность самих идеалов абсолютна и улучшить их нельзя. Отвечая на вопрос, действительно ли мы подошли к концу истории, Ф. Фукуяма рассматривает две альтернативы, брошенные либерализму в XX в. (фашизм и коммунизм), и подчеркивает крах обеих. Таким образом, Ф. Фукуяма рассматривает постисторический мир как мир, основанный на принципах либерализма. Концепция Ф. Фукуямы, конечно, не бесспорна (полемизируя с ним, нужно отметить как альтернативу либеральной доктрине переориентацию на ценности человечества как рода), но ее изучение способствует углублению анализа проблем развития современного либерализма.

Индивидуализм

Одной из причин кризиса традиционного индивидуализма в XX в. стало усиление бюрократии. Столкновение индивидуалистической традиции с реальной и растущей угрозой монополизма и бюрократизма имело очень разные идейно-психологические и политические последствия. В литературе выделяется три типа реакции на бюрократизм: 1) сознание, сосредоточивающее свое внимание на сугубо личных переживаниях; 2) несчастное сознание (стимулятор воинствующего консерватизма); 3) сознание, критически переосмысливающее традицию в соответствии с новыми реалиями. Именно сознание, сформированное в русле классического индивидуализма, способно к коллективно-организованному действию. Личность, усвоившая и сделавшая мотивом поведения идеалы свободы и самостоятельности индивида, настаи-

вающая на праве самой определять свои интересы и свою судьбу, обладающая чувством своей значимости и достоинства, часто проявляет и большую способность к коллективно-организованным действиям. В XXI в. усложняется различие между либеральным и консервативным вариантами индивидуализма; либеральные группировки выступили сторонниками государственного вмешательства в экономику. Проведенный анализ философской рефлексии по поводу современных культурных реалий свидетельствует о кардинальных сдвигах, происходящих в ядре ценностей новоевропейской культуры. Функционировавшая до сих пор картина мира, обладавшая такими чертами, как антропоцентризм, универсальность, статичность, утверждавшая разумность бытия и абсолютность мышления индивида, начинает распадаться, и внутри нее складывается прообраз новой картины мира, являющейся основой новой культурной парадигмы, выходящий за границы ориентации на ценности модернистской культуры, и ориентирующейся на мульти- и кросскультурные ценности, что особенно важно для понимания современного процесса глобализации.

2. Мультикультурная глобализация

В современных исследованиях, в зависимости от характера глобализации (гомогенного или гетерогенного), можно выделить два наиболее общих направления анализа этого феномена: 1) универсалистская глобализация– глобализация на основе евроцентристской модели прогресса, который ведет к унификации и гомогенизации мира; 2) мультикультурная глобализация– глобализация на основе модели культурного разнообразия, гетерогенности мира. Универсалистский тип глобализации оценивается многими исследователями как непродуктивный путь развития современной цивилизации и подвергается критике с разных позиций: универсалистская глобализация создает поляризацию и социальную дезинтеграцию, ослабляет демократию, приводит к формированию имперской формы (распространение господства США на весь мир), создает рост неравенства внутри государств и вне государств. Мультикультурная версия глобализации сейчас популярна в силу своей толерантной и нерепрессивной формы, в связи с чем мы сосредоточимся на анализе мультикультурной глобализации.

Теоретические источники мультикультурализма

Теоретическим основанием мультикультурной глобализации является мультикультурализм. Можно выделить несколько теоретических источников мультикультурализма как интеллектуального движения. Первое теоретическое основание мультикультурализма базируется на теории В. Кимлика, основанной на либеральных ценностях автономии и равенства. Культура, с его точки зрения, необходима человеку по двум причинам: 1) она обеспечивает его автономию, предоставляя возможность выбора; 2) культура обладает инструментальной ценностью для самоуважения человека. Главный вопрос – это не просто фиксация принадлежности к той или иной культуре, но то, что собственная культура индивида должна быть защищена, потому что от нее очень трудно отречься. Взгляды В. Кимлика развиваются в направлении от утверждения инструментальной ценности принадлежности человека к определенной культуре к эгалитарному заявлению о том, что поскольку члены

группы культурного меньшинства ограничены в доступе к их собственной культуре, то, в отличие от членов доминирующей группы, они нуждаются в особой защите [6]. В обществе с культурным разнообразием легко можно найти примеры поддержки государством культуры одних социальных групп по сравнению с другими группами. В то время как государства могут избежать явной расовой дискриминации, а также официальной поддержки какой-либо одной религии, они не могут избежать признания какого-либо одного языка в качестве официального государственного языка. Культурное и лингвистическое доминирование может транслироваться в экономическое и политическое доминирование. Культурное доминирование может также приобретать символическую форму, например праздник католического рождества в Европе, Америке и других странах, который демонстрирует, что обычаи данной группы обладают большей ценностью, чем обычаи других групп. В этом плане полиэтнические права могут рассматриваться как требование равноправной интеграции культурных меньшинств в доминирующую культуру, а не отказ от интеграции.

Второе теоретическое основание мультикультурализма вырастает из критики либерализма с позиции коммунитаризма. Холистский взгляд на идентичности коллективов и культур определяет «политику признания» Ч. Тайлора [7]. Разнообразные культурные идентичности и языки представляют, по его оценке, минимальные социальные блага, которыми должен обладать каждый член общества. Признание равенства разных культур требует замещения традиционного либерального режима равных свобод и возможностей для всех граждан схемой особых прав для культурных меньшинств.

Третье теоретическое основание мультикультурализма – концепция диалога, направленная против монологичного субъекта классической культуры и формирующая полифонию, плюрализм современной культуры. В процессе установления диалога между людьми и между культурами возникает вопрос, как понять Другого как субъекта с собственным опытом, если существование и природа опыта Другого не могут быть верифицируемы. Краткий экскурс в историю философии XX в. показывает, что Э. Гуссерль не смог соединить критерий верифицируемости с пониманием ощущений и чувств Другого. Р. Карнап обращался к методологии бихевиоризма для изучения чувств Другого, но это сопряжено с определенными трудностями. М. Хайдеггер, казалось, преодолел наметившийся тупик с помощью заключения, что каждое личностное бытие включает в себя бытие-с – врожденную способность понимать Другого. Когда бытие-с, как показал уже Л. Витгенштейн, проходит аккультурацию, эти виды поведения человека дополняются эквивалентными лингвистическими выражениями. Э. Левинас стремился отыскать предел трансцендирующей активности личности. В границах его теории эйдетическая форма диалога представляет собой ситуацию, предшествующую не только субъекту, но и самому диалогу в онтологическом смысле. Проблему диалога Э. Левинас исследует сквозь призму такого состояния Я, как признание авторитета Другого и возникновение чувства ответственности за него. Философия диалога приводит и к более радикальным изменениям: ее внедрение в современное мышление является одной из причин отхода от фундаментализма. Философия, интерпретируемая как социальная критика (И. Нево), может служить в качестве обоснования мульти- и кросскультурного диалога.

Научная проблематика мультикультурализма весьма разнообразна и включает обширный круг проблем: поиск новых форм политического действия; формирование альтернативной культуры; создание посттрадиционных парадигм политической философии и философии культуры; анализ вопросов присоединения, равенства, свободы выбора, идентичности и т.д. – перечень можно продолжить. В связи с разнообразием проблематики в исследованиях мультикультурализма трудно выделить единую концептуальную структуру. Скорее, можно рассмотреть конгломерат идей традиционной (философия жизни, феноменология) и посттрадиционной западной философии; западной политической философии; постсоциологии. В целом в многообразии мультикультурных концепций можно выделить два направления: радикальное и умеренное. Первое базируется на идеях равенства доминирующей культуры и культурных меньшинств, толерантности, не этноцентрированной идентичности и рассматривает мультикультуру как непреходящую ценность.

Второе направление развивает концепцию, разграничивающую позитивную и негативную толерантность, которая находит свою специфическую форму проявления в каждой из культур (Э. Джемс). Негативная толерантность имеет параллель с гоббсианством, что обеспечивает преимущество этого направления исследования по сравнению с другими вариантами мультикультурализма.

Проблемы мультикультурной глобализации

Можно выделить несколько ключевых проблем в дискуссиях мультикультурализма, которые оказали значительное влияние на формирование теории мультикультурной глобализации:

• Обсуждение «тяжелых случаев» (hard cases) в контексте философии.

• Нормативные исследования мультикультурализма, которые явно базируются на парадигме исследований Д. Роулза и его последователей. Центральный вопрос этих исследований – как можно заставить индивидов разных моральных установок и верований поддержать базовые принципы права в существующем конституционном режиме [8]. Этот вопрос рассматривался Д. Роулзом в контексте интеллектуального диалога с исследованиями Аристотеля, Т. Гоббса, Дж. Милля, И. Канта. Д. Роулз был вдохновлен идеями о том, как принципы разума, равенства, справедливости, плюрализма могут быть использованы в политических исследованиях современных либерально-демократических обществ.

• Обсуждение проблем мультикультурализма в дебатах либералов и коммунитаристов. Сохраняя веру в либеральную автономию, В. Кимлика рассматривает вопрос о том, что индивидуализм любого рода нуждается в укоренении в нуждах сообщества, культуры, истории; отсюда – его защита культурного контекста как источника либерального самосознания. Основное понятие В. Кимлика – либеральный мультикультуралистский консенсус – весьма значимо в обсуждении проблем мультикультурной глобализации.

• Дискуссии по проблеме идентичности. Центральная идея заключается в том, что этнические идентичности не являются чистыми или статичными конструкциями, но изменяются под влиянием обстоятельств. «Чернота» (blackness), например, – это синкретичная идентичность, которая развивалась во взаимодействии с европейскими (белыми) культурными формами. Отсут-

ствие чистых идентичностей означает, что меньшинства не являются гомогенными, – еще один аргумент в пользу гетерогенной, мультикультурной глобализации.

• Дебаты по проблеме свободы выбора в контексте либеральной теории. Возрастающее культурное разнообразие приводит к формированию нового типа либерализма, базирующегося на мультикультурных ценностях. Исследователи обсуждают либеральные принципы в контексте философии на метафизическом уровне. Это обсуждение включает анализ либерального мышления, либерального сознания, либерального этоса – категорий, предопределенных человеческим поведением и, в конечном счете, служащих фундаментальными принципами мультикультурного общества. Либеральные тенденции критики Я и критический способ мышления в традиционной европейской метафизике, например в диалогах Платона и критической философии Канта, а также логика диалога, который продуцирует и завершает проблему поиска универсальной истины, формируют метафизический либерализм (термин Ш. Имамото). Либеральная позиция, которая разрешает реализацию индивидуальных идей и действий без политического принуждения, обеспечивает появление демократического федерализма и мультикультурной глобализации.

• Дискуссии по поводу эволюции прав человека по отношению к культурным ценностям, идентичности, демократической теории [9]. В евроцентристских правах человека происходят кардинальные изменения в связи с процессами глобализации. Современная социокультурная ситуация демонстрирует крушение евроцентризма. Права человека оправданы каждой из культур, внутри которой есть ресурсы либерального и социокультурного опыта, предопределяющие мультикультурные трансформации.

Заключение

Проведенный анализ исследований современной глобализации позволяет сделать следующие выводы.

Несмотря на непопулярность универсалистской глобализации и поддержку многими исследователями мультикультурной глобализации, обе версии отражают реальные глобализационные процессы, происходящие в современном мире.

Универсалистская версия отражает осуществление процесса глобализации в форме единого глобального развития мира на основе евроцентристской модели социального и культурного развития и западных метанарративов прогресса, либерализма, индивидуализма, что нивелирует мир под западный образец социального и культурного развития. В рассматриваемом варианте глобализации можно выделить как позитивные моменты, например, распространение прогрессивных западных норм социокультурного развития на весь мир, так и негативные черты, например, нарастающее сопротивление западному варианту глобализации со стороны меньшинств (религиозных, этнических, культурных), что выражается в ряде вспышек экстремизма и терроризма.

Мультикультурная версия глобализации, основанная на принципах культурного разнообразия и равенства меньшинств, на первый взгляд, более подходящая к развитию глобализации в силу толерантности и нерепрессивного характера, потерпела крах в реальной политике. Однако мультикультурали-

сты не собираются отказываться от своей теории, они реформируют ее. Мультикультурная глобализация ассоциируется с политикой идентичности, различия и признания, которая имеет целью преодоление неуважения идентичности культуры народов, направлена против культурного неравенства и ориентирована на культурное и символическое изменение как способ преодоления неравенства. Феномен глобального мультикультурного общества представляет собой новый тип социального и политического устройства, основанный на сети социальных и политических институтов и органов принятия решений международного, национального, регионального и локального уровней: их взаимодействие обеспечивает гибкость индивидов, фирм, стран в условиях мультикультурной глобализации.

Литература

1. *Барт Р.* Смерть автора // Избранные работы. Семиотика. Поэтика: пер. с фр. М., 1994. С. 384–392.

2. *Этциони А.* Масштабная повестка дня. Перестраивая Америку до XXI века // Новая технократическая волна на Западе. М. : Прогресс, 1986.

3. *Автономова Н.С.* Рассудок, разум, рациональность. М. : Наука, 1988.

4. *Rosso S.* Postmodern Italian Notes on “Crisis of Reason”, “Weak Thought” and “The Name of the Rose” // Exploring Postmodernism. Amsterdam/Philadelphia, 1987.

5. *Фукуяма Ф.* Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 134–148.

6. *Kimlicka W.* Multicultural Citizenship: A Liberal Theory of Minority Rights. Oxford : Oxford University Press, 1995. 280 p.

7. *Taylor Ch.* The Rolitics of Recognition // Multiculturalism: Examining the Politics of Recognition. Princeton : Princeton University Press, 1992. P. 225–256.

8. *Rawls D.* Theory of justice. Oxford University Press, 1971. 560 p.

9. *Йоран Терборн.* Города власти. Город, нация, народ, глобальность. М. : ИД ВШЭ, 2020. 472 с.

Larisa A. Korobeynikova, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: larisa_korobeynikova@rambler.ru

Elena V. Vodopiyanova, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation).

E-mail: veritas-41@yandex.ru

CULTURAL DIVERSITY AND GLOBALTITY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedeniye – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 2020, 40, pp. 80–91.

DOI: 10.17223/2220836/40/7

Keywords: globalization; multicultural globization; values of European culture; multiculturalism.

The paper is aimed to present a concept of globalization in the of contemporary discourse of cultural diversity. It is argued here that the conditions of contemporary multiethnic and multicultural world do not require any unification in the form of universalistic globalization, but instead the development of modern globalization process in form of cultural diversity.

In most recent theoretical debates, depending on the character of the process of globalization (homogeneous or fragmentary), two trends of investigation of this process arise: (i) globalization on the basis of the idea of progress which leads to a homogeneous world (universalism); (ii) globalization on the basis of representation of the world’s real diversity (multiculturalism). Theorists of globalization stress the fact that an economic-homogenization paradigm is becoming powerful in both academic and popular usage. They then focus their attention on the increased integration of the global economy and its homogenizing effects on state policy and culture. As for homogeneous (i.e. universalistic) discussions, the tendency for many issues to assume apposite values –on the segment comprising comparative version of globalization or elite version globalization – arise. Multicultural concepts of globalization, based on the recognition of the world real diversity, are popular because of their non-repressive and tolerant form. Appraisals of multiculturalism as an intellectual trend, which

could be evaluated as a core of recent multi-globalization process, are controversial (as for example in the works by J.Searle, R.Rorty, Ch. Taylor)

The main problem about the interpretation of contemporary globalization process as multicultural globalization is investigated in this paper by means of the analysis of the change of modern values of European culture and philosophy.

Relevant discussions here are centred on the reinterpretation of the classical philosophical paradigm, concerned with reevaluation of the relation of the main philosophical categories; subject and object. Interpretation of the subject has been changed in contemporary philosophical discourse of the following directions: (i) weakness of the opposition of subject and object; (ii) interpretation of the subject in terms of the death of author (term by R.Bart); (iii) interpretation of subject in the context of cultural diversity (in terms of female philosophy, whiteness, blackness, etc). Paper then put into focus change of the main values of European culture and philosophy: rationality, liberalism, individualism. Rationality, liberalism, individualism loose their classical form and replaced by diverse, pluralistic, flexible values.

Change of the main values of European culture influence greately on the character of contemporary globalization process, which develops in the direction of the appreciation of the world real diversity. Interpretations of multicultural are based on the multiculturalism as trend of contemporary philosophical and political discourse.

Multiculturalism is closely associated with identity politics, the politics of difference and the politics of recognition, all of which share a commitment to revaluing disrespected identities and changing dominant patterns of representation and communication that marginalize certain groups. Multicultural claims include a wide range of claims involving religion, language, ethnicity, nationality and race. Culture is overbroad concept, and all of these categories have been subsumed by the concept of culture.

The paper presents the interpretation of multicultural globalization on the base some theoretical ideas of multiculturalism. The main trend of multicultural globalization embrace the concept of cultural diversity. Diverse cultural identities and languages are irreducibly social and cultural goods, which should be presumed to be of the equal worth. The recognition of the equal worth of diverse cultures requires replacing the traditional liberal regime of identical liberties and opportunities for all citizens with a scheme of special rights for minority cultural groups. Culture is to be instrumentally valuable to individuals, for two reasons. First, it enables individual authonomy. Second, culture is instrumentally valuable for individual self-respect.

As final remark, we think that within the boundaries of multicultural type of globalization, a new democratic politics permitting a dialogue for distinct cultural and religious groups and the ground for their consensus could be achieved.

References

1. Barthes, R. (1994) *Izbrannye raboty. Semiotika. Poetika* [Selected Works. Semiotics. Poetics]. Translated from French. Moscow: Ripol Klassik. pp. 384–392.

2. Etzioni, A. (1986) Masshtabnaya povestka dnya. Perestraivaya Ameriku do XXI veka [Large-scale agenda. Rebuilding America until the 21st century]. In: Gurevich, P.S. (ed.) *Novaya tekhnokraticheskaya volna na Zapade* [New Technocratic Wave in the West]. Moscow: Progress.

3. Avtonomova, N.S. (1988) *Rassudok, razum, ratsional'nost'* [Reason, Wit and Rationality]. Moscow: Nauka.

4. Rosso, S. (1987) Postmodern Italian Notes on “Crisis of Reason”, “Weak Thought” and “The Name of the Rose”. In: Calinescu, M. & Wessel Fokkema, D. (eds) *Exploring Postmodernism*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing.

5. Fukuyama, F. (1990) Konets istorii? [End of the story?]. *Voprosy filosofii*. 3. pp. 134–148.

6. Kimlicka, W. (1995) *Multicultural Citizenship: A Liberal Theory of Minority Rights*. Oxford: Oxford University Press.

7. Taylor, Ch. (1992) *Multiculturalism: Examining the Politics of Recognition*. Princeton: Princeton University Press. pp. 225–256.

8. Rawls, D. (1971) *Theory of Justice*. Oxford University Press.

9. Therborn, G. (2020) *Goroda vlasti. Gorod, natsiya, narod, global'nost'* [Cities of Power: The Urban, The National, The Popular, The Global]. Translated from English. Moscow: HSE.